

УДК 338.2, 316.4

DOI 10.52452/18115942_2023_4_33

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ, РОССИИ И УЗБЕКИСТАНЕ: КРЕАТИВНЫЙ ПОДХОД К ВЫДЕЛЕНИЮ ГРАНИЦ СРЕДНЕГО КЛАССА

© 2023 г.

С.Г. Захарова, Л.П. Зенькова, Н.В. Крицкая

Захарова Светлана Германовна, к.э.н.; доцент кафедры менеджмента и государственного управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
svetlana-nngu@mail.ru

Зенькова Лариса Петровна, д.э.н.; профессор кафедры экономики и управления
Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь
Lovekak@mail.ru

Крицкая Наталья Викторовна, магистр бизнес-администрирования, старший преподаватель
кафедры корпоративной экономики и менеджмента
Ташкентского государственного экономического университета, Узбекистан
pinkcherty@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 30.06.2023**Статья принята к публикации 16.10.2023*

Обоснована необходимость четкого выделения методологических принципов оценки границ так называемого «среднего класса» в контексте социальной стабилизации общества и антикризисной меры при расширении интеграционных процессов между субъектами социально-экономических систем стран СНГ. Креативный подход заключается в нестандартной оценке границ исследования, которое строится на основе соотношения между располагаемыми ресурсами домохозяйств и бюджетом прожиточного минимума, что в значительной степени отличается от стандартных подходов в рамках квинтильных и децильных коэффициентов. Рассмотрена связь методологии оценки «среднего класса» с комплексом социальных мер, направленных на динамический рост качества жизни населения. Представлен сравнительный анализ показателей качества жизни населения в разрезе различных социальных прослоек России, Беларуси, Узбекистана за период 2017–2021 гг., в концепции факторного подхода к управлению качеством жизни населения, подтверждающий положительные и отдельные негативные тенденции. Сформулированы рекомендации по инновационному изменению отдельных направлений социальной политики.

Ключевые слова: средний класс, креативный подход, потребительские расходы, среднедушевой доход, располагаемый ресурс домохозяйств, индекс Джини, кривая Лоренца, социальное расслоение, социальная политика, структура потребления.

Введение

Кардинальные изменения как в модели социально-экономического развития, так и в мировых интеграционных процессах выдвигают на первый план в социальной политике формирование значительной средней социальной прослойки, способной противостоять изменениям спроса и предложения на рынке в кризисные периоды, инфляционным процессам, поддерживать социальную стабильность в обществе. Однако разные подходы экономистов к оценке «среднего класса» не позволяют до сих пор четко установить его границы и отслеживать ее динамику.

В докладе Высшей школы экономики «Российский средний класс в фокусе разных теоретических подходов: границы, состав и специфика» эксперты пришли к выводу, что средний класс составляют 38.2% россиян, а к его ядру можно причислить лишь 7% граждан. Швей-

царский банк Credit Suisse в 2015 г. предположил, что к среднему классу можно отнести тех россиян, чей доход превышает \$18 тыс. в год [1]. Тогда этим требованиям отвечали лишь 4% граждан. В России много сверхбогатых и сверхбедных людей, тогда расчёт дохода на душу населения скроет существенное неравенство и показатель будет соотносим со страной, где все граждане в относительно равной степени обеспечены. В истории наиболее близким ко второму варианту являлся СССР, однако сегодня данного государства нет, а правопреемник в лице Российской Федерации выбрал путь рыночной экономики. Как следствие, директор Института социологии РАН М.К. Горшков предложил деление всего населения страны, исходя из доходов и уровня жизни, на 10 страт, которые составляют четыре группы: «бедные», «малообеспеченные», «средний класс» и «богатые» [2].

В мировой и отечественной практике для оценки состояния социальной стратификации

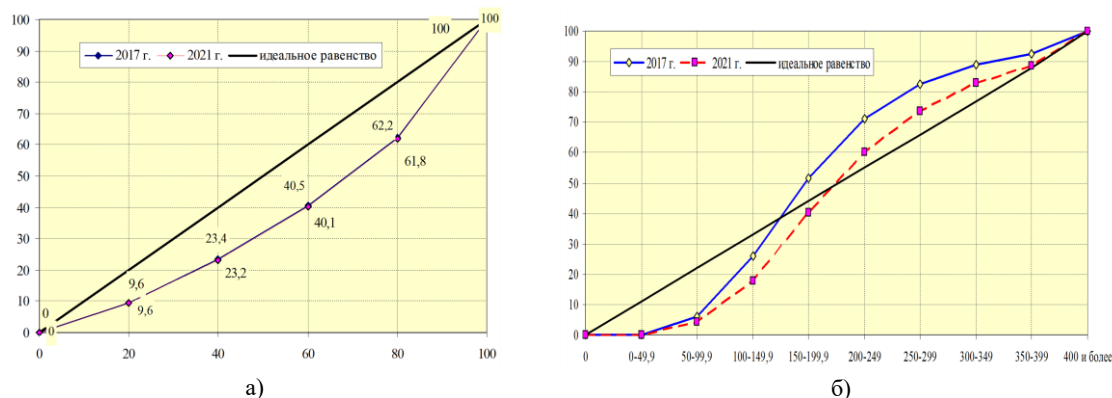

Рис. 1. Классический и креативный (авторский) подходы к построению кривых Лоренца социального расслоения населения Республики Беларусь за 2017–2021 гг.

Примечание: 1а) по горизонтальной оси – доля социальных групп в численности населения, %; по вертикальной оси – доля социальных групп в доходах, %; 1б) по горизонтальной оси – превышение располагаемого ресурса домохозяйств над бюджетом прожиточного минимума, %; по вертикальной оси – доля социальной группы, %

Источник: авторская разработка на основе [4, с. 132].

введён так называемый «децильный коэффициент» – соотношение в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных. В нашей стране показатель децильного коэффициента в 2019 году составлял 15.4 и имел динамику снижения начиная с 2007 года, когда данный показатель был равен 16.7. Если сравнивать с другими странами, то данный коэффициент в среднем по Европе составляет не более чем 1 к 5–7, в Скандинавских странах 1 к 3–4, а в США – 1 к 12 [3]. В Беларуси – 1 к 5–6 [4, с. 132], России – 1 к 6–7 [5, с. 164], Узбекистане – 1 к 6–7 [6].

Как можно заметить, на сегодняшний день в России сохраняется колоссальный разрыв между богатыми и бедными слоями населения, что негативно сказывается на общем экономическом состоянии и усугубляется зависимостью от иностранных товаров и услуг. Для России, Беларуси, Узбекистана и других стран бывшего Союза было характерно сближение классов и социальных групп по большинству показателей, однако смена плановой экономики на рыночную, которая сопровождалась несправедливой приватизацией народного достояния, осталась в памяти народа как выраженная социальная несправедливость.

Показатели, характеризующие и определяющие средний класс, в анализируемых странах отличаются, что зависит от специфики условий общественной жизни, однако можно выделить общие показатели, характеризующие средний класс: уровень дохода, индивидуальное развитие, возможность использовать высокотехнологичные предметы, наращивание капитала, уровень образования и культуры [7]. Оценка доли среднего класса в современной науке имеет разные подходы, позиции и взгляды [8–12], с учётом национальных особенностей и специфи-

ки [13]. Многие учёные в своих исследованиях связывают современные проблемы стратегического управления, направленного на устойчивое социально-экономическое развитие, с качеством жизни населения, а также влияние экономических циклов [14] на формирование социальных групп [15]. С точки зрения социологических оценок рассматривается социальная справедливость в обществе, которая характеризует социальные группы [16, 17].

Цель настоящей статьи – анализ тенденций изменения социальной структуры общества на основе креативного подхода к оценке границ «среднего класса».

Авторским коллективом применены методы сравнительного статистического анализа социального расслоения населения, графического моделирования степени дифференциации по доходам, метод индукции и дедукции при выделении социальных тенденций и рекомендаций по совершенствованию социальных мер. Для оценки процесса социального расслоения населения в странах СНГ избраны объекты исследования: Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Узбекистан.

Теоретико-методологические подходы

На основе сравнительного анализа официальных статистических данных по социальному расслоению населения Беларуси за последние 5 лет нами воссоздана кривая Лоренца за 2017 г. в сравнении с 2021 г. (рис. 1а).

Обнаружено, что за этот период ее профиль практически не изменился.

Можно лишь отметить едва заметное изменение кривой в сторону роста доли 2-й квин-

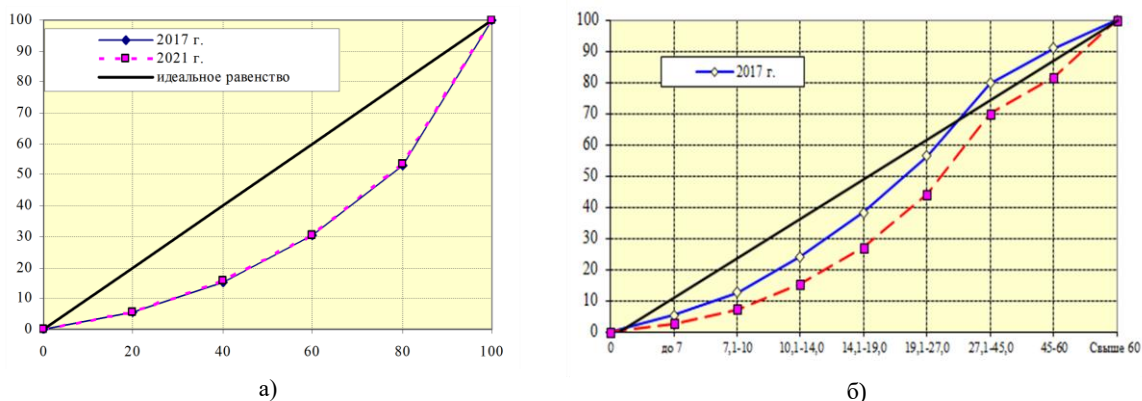

Рис. 2. Классический и креативный (авторский) подходы к построению кривых Лоренца социального расслоения населения Российской Федерации за 2017–2021 гг.

Примечание: 1а) по горизонтальной оси – доля социальных групп в численности населения, %; по вертикальной оси – доля социальных групп в доходах, %; 1б) по горизонтальной оси – среднедушевые денежные доходы домохозяйств, руб.

Источник: авторская разработка на основе [5, с. 163].

тильной группы, то есть прослойки с низкими доходами. Значение квинтильного коэффициента практически стабильно в течение 5 последних лет. Таким образом, за годы после 2017 г. в Беларуси практически ничего не изменилось, что свидетельствует о достаточно эффективной социальной политике государства, но в рамках имеющихся денежных средств на ее реализацию. За 5 лет она чуть заметно «прогнулась» в сторону бедных. Однако более четкую картину дает креативный подход авторов к построению модифицированной кривой Лоренца. Креативность заключается в нестандартном принципе определения границ исследования на основе соотношения между располагаемыми ресурсами домохозяйств и бюджетом прожиточного минимума (БПМ) (рис. 1б). Здесь более четко проступает картина роста удельного веса зажиточных домохозяйств с уровнем ресурсов на 100–150% выше БПМ.

Процесс социальной дифференциации медленно, но все же идет. Об этом свидетельствует значение индекса Джини (рост с 0.27 в 2000 г. до 0.276 в 2021 г.).

Следует отметить, что детальное сопоставление динамики квинтильного и децильного коэффициентов с периодами подъемов и кризисов белорусской экономики указывает на логичную закономерность: падение значений квинтильных коэффициентов в годы кризисов (2015, 2016, 2020 гг.) [4, с. 133; 18, с. 157]. Поскольку эти коэффициенты указывают, во сколько раз доходы богатых превышают доходы бедных, то речь идет о статистическом подтверждении интенсификации разорения частного бизнеса именно в годы кризисов. Так как кривая Лоренца классического типа не отражает

полностью процесс обеднения населения, то проведем более детальный анализ кривой Лоренца по другим вышеуказанным странам. Построим ее модификацию по Российской Федерации не на основе квинтильной классификации по социальным прослойкам, а на основе авторского подхода по дифференциации среднедушевых доходов С.Г. Захаровой (рис. 2а).

Во-первых, сама форма линии Лоренца говорит о резком возрастании доходности более 50% населения. Во-вторых, за 5 лет ее форма в левом секторе резко «прогнулась», причем уже для 60% населения за счет увеличения доли беднейших прослоек.

Построение модифицированной кривой Лоренца на основе величины доходов домохозяйств (рис. 2б) более четко отражает этот процесс.

Действительно, значительно приросла доля бедных социальных прослоек. Таким образом, исследование степени расслоения на богатых и бедных на основе авторской методики выказывает более четкую картину, чем классическая кривая Лоренца.

Нами проведено также аналогичное исследование по одной из стран СНГ Азиатского региона – Республике Узбекистан. Как свидетельствует анализ положения кривой Лоренца по Узбекистану (рис. 3а), за 5 последних лет сократилась доля в доходах населения беднейших и низкооплачиваемых прослоек на минус 1.2%, в то же время доля высокооплачиваемых и богатых возросла на +1.7%, так что процесс социального расслоения в Узбекистане по доходам идет относительно Беларуси более быстрыми темпами (рис. 3б), но более медленными, чем в России. Отсюда коэффициент Джини за этот период существенно возрос с 0.262 до 0.283.

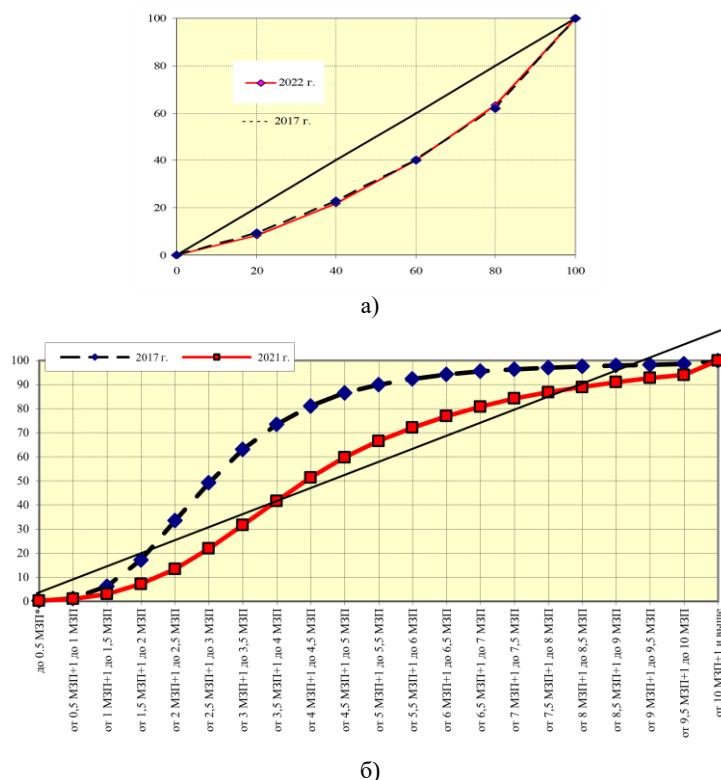

Рис. 3. Классический (а) и креативный (авторский) (б) подходы к построению кривых Лоренца социального расслоения населения Республики Узбекистан за 2017–2021 гг.; МЗП – минимальная заработная плата
Источник: авторская разработка на основе [6]

Таким образом, усилия правительства Узбекистана по сокращению пропасти между доходами богатых и бедных за более ранние годы (децильный коэффициент в 2007 г. – 13.7 раза, 2017 г. – 6.2 раза) потихоньку начинают терять эффективность в последующие периоды.

Примечательно, что индекс Джини в Беларуси и России в период кризисов уменьшался, так как интенсивно разорялись предприниматели и уменьшалась социальная дифференциация, а в Узбекистане – более интенсивно возрастал именно в периоды кризисов (рис. 4).

Сравнение значений индексов Джини показывает, что в России социальное расслоение почти в 2 раза выше, чем в Узбекистане и Беларуси, поэтому понятие «среднего» класса для каждой из стран СНГ носит специфический оттенок и не может быть унифицировано на территории такой разнообразной экономической группировки стран.

Как уже указывалось, отнесение к среднему классу возможно не только по критерию уровня доходов, но и по структуре расходов, в том числе на продукты питания, жилье, медицинские услуги, покупку товаров длительного пользования.

Официальный статистический учет во всех трех государствах имеет свою специфику. В

частности, в Беларуси Национальный статистический комитет счел необязательным учет легковых автомобилей из-за относительной компактности территории, достаточной плотности авто- и железных дорог. Кроме того, часть населения либо в принципе не желает, либо не может по ряду физиологических заболеваний располагать автомашиной. В России Федеральная служба государственной статистики сочла, например, необходимым фиксировать среди наличности товаров длительного пользования не только мобильные телефоны, но и смартфоны, портативные компьютеры: спрос на них среди населения возрос из-за больших расстояний и высокой трудовой мобильности. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике особо выделил наличие кондиционеров и холодильников в пользовании домохозяйств из-за специфики климата. Однако во всех трех странах учитывались такие объемы товаров длительного пользования на 100 домохозяйств, как телевизоры, компьютеры (рис. 5).

Поэтому учет наличности некоторых товаров длительного пользования в качестве одного из признаков «среднего класса» нельзя считать достаточно точным. Единственное исключение в век информатики и тотальной цифровизации,

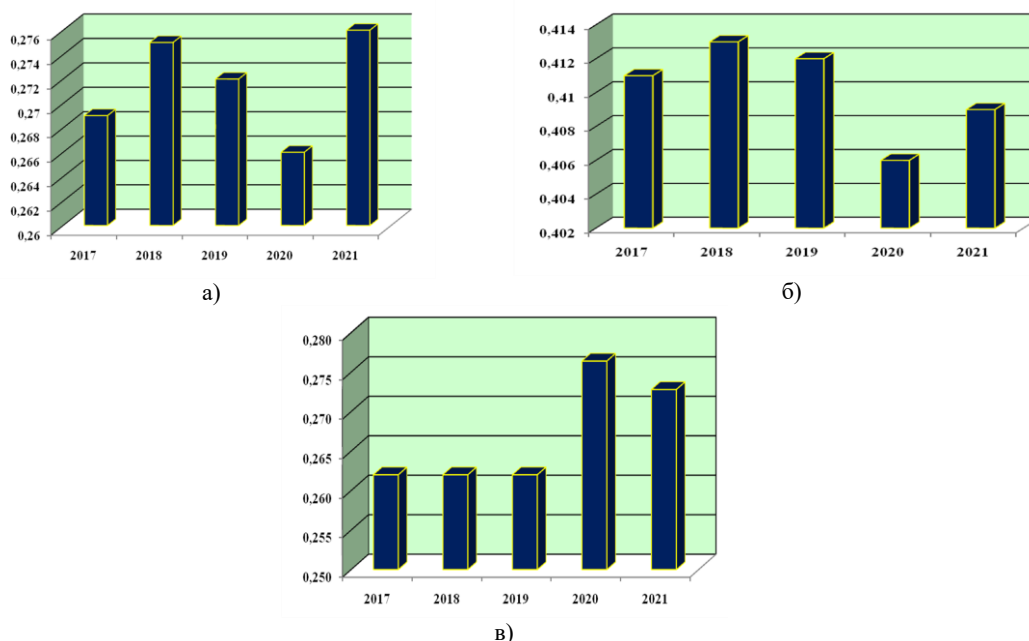

Рис. 4. Динамика коэффициента Джини в Беларуси (а), России (б), Узбекистане (в) за 2017–2021 гг.
Источник: авторская разработка на основе [4, с. 132; 5, с. 163; 6]

действительно, может составлять наличие телевизоров, компьютеров и интернет-ресурсов. Сопоставление статистических данных по этим позициям на рисунке 5 показывает, что наиболее значительная средняя социальная прослойка наблюдается в России, наименьшая – в Узбекистане (в Беларуси, России почти 100% населения располагают тем или иным типом компьютерных систем, в Узбекистане – чуть более 50%). Однако если 100% населения располагают компьютерными устройствами, то это не значит, что можно отнести по этому признаку все население России и Беларуси к «средней» социальной прослойке, это не имеет экономического смысла.

В азиатской республике имеется специфика: в связи с относительно слабой обеспеченностью домохозяйств Узбекистана основными товарами длительного пользования по сравнению с Беларусью и Россией имеет смысл там определять границы среднего класса исходя не только из реального среднедушевого дохода, но и из наличия товаров длительного пользования, в том числе автомобилей (обеспеченность ими населения на 30% ниже, чем в России). Однако следует учитывать специфику традиций, климата страны. Например, в Узбекистане концентрация населения в южных зонах и наличие песков пустыни Кызылкум не располагает к особой необходимости иметь автомобили в собственности.

За рассматриваемый период на 100 домохозяйств Узбекистана по-прежнему приходится низкий процент обеспеченности кондиционерами (в 2017 г. – 34, в 2022 г. – 45 шт.), электро-

пылесосами (в 2017 г. – 54 шт. в 2022 г. – 69 шт.), хотя жаркий климат и пыльная атмосфера песков пустыни предполагают эти товары в рядах товаров первой необходимости. Кроме того, при высоком отрыве зарплаты в IT-секторе от оплаты в других сферах остается низкой обеспеченность домохозяйств компьютерами (2017 г. на 100 хозяйств – 50, 2022 г. – 64 шт.). Однако утверждать на этом основании, что около 50% населения Узбекистана являются «средним классом», сомнительно. Здесь следует учитывать и структуру потребления. В развитых странах на долю продуктов питания в потреблении населения приходится около 20%, в развивающихся странах она колеблется в пределах 40–70%.

Рассмотрим структуру потребления населения в разрезе пяти социальных групп как один из признаков выделения «среднего класса». Начнем с изменений в структуре потребления белорусов за 2017–2021 гг. (рис. 6 и 7). Наибольший удельный вес в 2017 г. во всех 5 группах занимали продукты питания (30–43%), в том числе молочные продукты (от 6 до 9%), мясные продукты (8–11,5%), на втором месте – расходы на оплату жилья (около 8,5–11%).

Совершенно ожидаемо, что самый большой удельный вес (около 42%) расходов на продукты питания белорусов приходится на социальную группу с низкими доходами, а одежда и обувь, расходы на здравоохранение занимают во всех социальных группах практически одинаковый удельный вес. Республика Беларусь, придерживаясь построения модели рынка с социальной ориентацией, особое внимание обра-

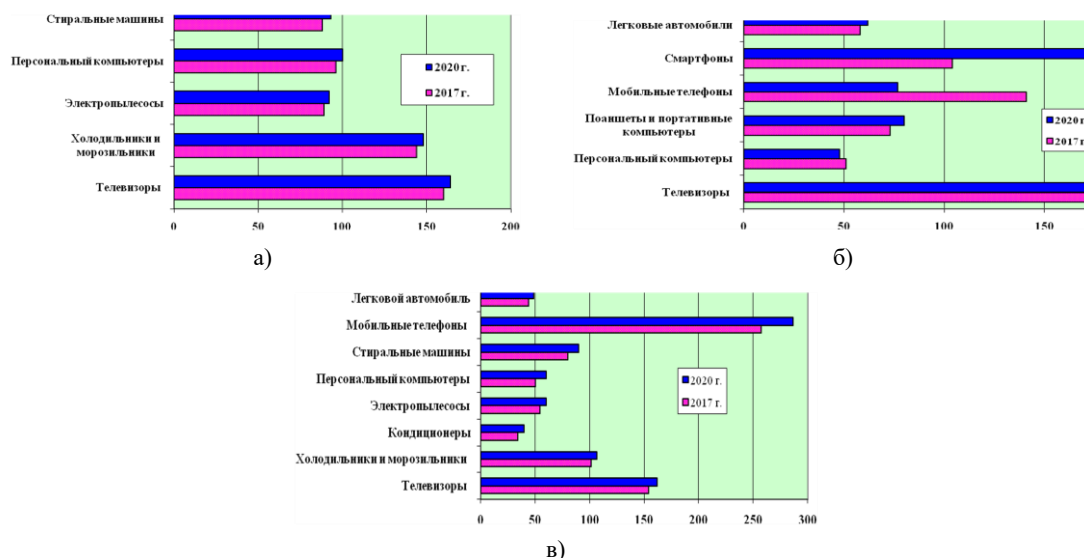

Рис. 5. Динамика наличия товаров длительного пользования в расчете на 100 домохозяйств в Беларуси (а), России (б) и Узбекистане (в) за 2017–2020 гг.

Источник: авторская разработка на основе [4, с. 132–135; 19, с. 250; 6].

щает на доступность и «подъемность» стоимости жилья, услуг здравоохранения, образования.

Согласно структурированным данным рисунков 6 и 7, если расходы на жилье в Беларуси составляли в совокупных расходах 2017 года от 8 до 12%, то спустя 5 лет их удельный вес по всем социальным группам увеличился очень незначительно, но при этом оказалось, что чем выше доходы очередной социальной группы, тем эта разница за 5 лет сильнее.

Услуги здравоохранения в 2017 г. занимали в структуре потребительских расходов от 3.4% до 4.8% по мере роста доходов. Однако в 2021 г. картина резко изменилась: на фоне общего роста удельного веса таких расходов в среднем на 60–65% обнаружено, что чем более богата социальная прослойка, тем удельный вес расходов на здравоохранение ниже. Так, если в низших прослойках населения Беларуси последний доходил в 2021 г. до 6.9%, то в средних и богатых он возрастал до 6.0%. На наш взгляд, это обусловлено ростом частных учреждений системы здравоохранения и расширением масштабов платных медицинских услуг при государственных аналогичных учреждениях. Поэтому такое явление можно считать нормальным.

Анализ динамики структурных сдвигов касательно образования в потреблении населения Беларуси на протяжении 2017–2020 гг. позволяет выявить довольно негативные тенденции. Если в 2017 г. удельный вес расходов на образование колебался в пределах 1.2–2.2% с нарастанием этой доли по мере перехода к более низкодходным социальным слоям, то к 2021 г., во-первых, он несколько возрос у бедных просло-

ек, во-вторых, практически не изменился у среднего класса и богатых. Следовательно, необходим кардинальный пересмотр социальной политики в этом направлении для бедных.

Анализ изменений, произошедших в удельном весе расходов на жилье и коммунальные услуги, обнаружил в 2017 г. закономерное снижение с 12% у нищих и до 8% у самых богатых в Беларуси, а также такое же снижение в 2021 г., но уже с цифр, превышающих уровень 2017 года (с 12.2 % у нищих до 8.6% у богатых). Это также говорит о недостаточности социальной поддержки бедных слоев населения в обеспечении жилищных условий.

Аналогичный анализ структуры потребления населения в разрезе социальных групп России за 2017–2021 гг. выявил следующие тенденции (рис. 8 и 9). Во-первых, по сравнению с Беларусью, удельный вес расходов на продукты питания резко уменьшается по мере нарастания доходов очередной социальной группы с 44 до 20.7%, так что их доля среди богатых и беднейших отличается почти в 2 раза. И эта особенность не изменилась за 5 лет. К 2021 году только увеличился удельный вес таких расходов в общей структуре: 46% у бедных и 23% у богатых. По этому признаку можно судить об уменьшении удельного веса «среднего класса».

Во-вторых, обнаруживается аналогичная динамика удельного веса расходов на жилье по мере нарастания доходов прослоек населения: если в 2017 г. почти 15% расходов бедных шло на оплату жилья, а у богатых эта доля составляла почти в 2 раза меньше – 8.4%, то спустя 5 лет уже 14.5% расходов бедных шло на обес-

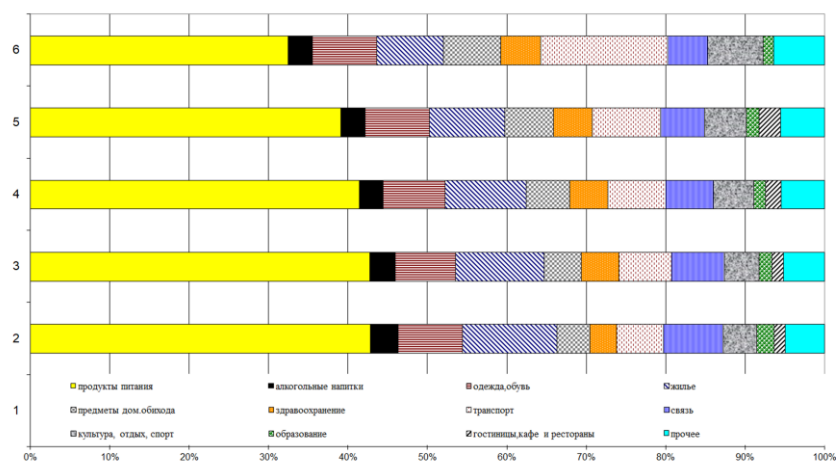

Рис. 6. Структура потребительских расходов пяти (квintильных) социальных групп населения Беларуси в 2017 г.

Примечание: рассчитано по источнику [4, с. 145]

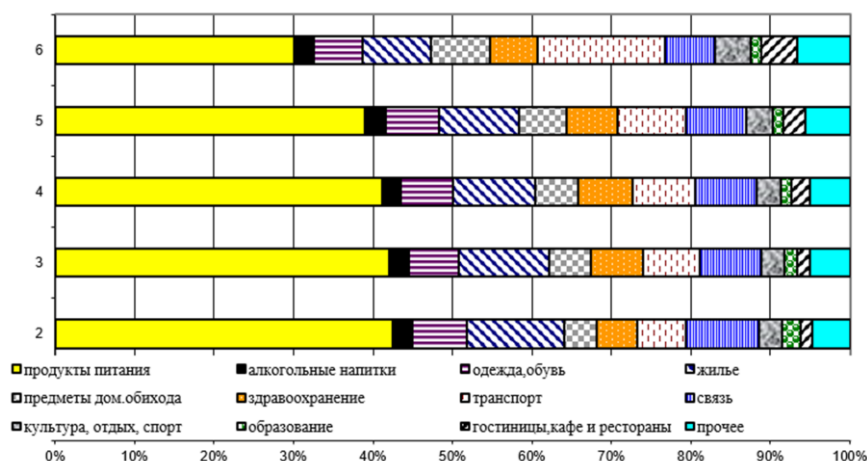

Рис. 7. Структура потребительских расходов пяти (квintильных) социальных групп населения Беларуси в 2021 г.

Примечание: рассчитано по источнику [4, с. 129]

печение жилищных условий, а у богатых — 10%. Разница в расходах по этой статье понемногу нивелируется. Отсюда можно судить об укреплении среднего класса в области комфортного жилищного обеспечения.

В отношении расходов на здравооохранение в России наблюдается прямо противоположная Беларуси тенденция. В 2017 г. доля расходов на здравооохранение колебалась от 2.8% до 4% по мере роста доходов, что свидетельствовало о нарастании частного сектора медицинских услуг, покупку которых достаточно богатые могли себе позволить, укреплении «среднего класса». Практически тенденция не изменилась спустя 5 лет, только удельный вес по мере удорожания услуг здравооохранения увеличился от 3.3% у бедных до 4.2% у богатых. Таким образом, возникает объективная необходимость усиления государственной социальной защиты малоимущих по этому направлению.

Важным признаком формирования прослойки «среднего класса» и ее развития является

доля потребительских расходов на образование. Анализ соответствующих данных по России указывает на значительность этих расходов именно среди контингента 2-й, 3-й средней и 4-й квintильных социальных групп населения (1.5–1.6%, то есть в 2 раза превышают доли аналогичных расходов бедных и богатых). К 2021 г. разница в расходах по этой статье практически сходит на нет (удельный вес расходов на образование во всех 5 социальных прослойках примерно одинаков — 1.3–1.5%). С этой точки зрения, в России к «среднему классу» можно отнести 2-ю, 3-ю и 4-ю социальные группы. Тем не менее в современных условиях образование и образованность — разные понятия, а расходы на образование еще не гарантируют качественное его получение.

Авторами проведен аналогичный анализ структуры потребительских расходов в Республике Узбекистан за период 2017–2021 гг. Ограниченность статистических данных не позволила провести углубленный дифференцированный анализ статей расходов в разрезе квintильных

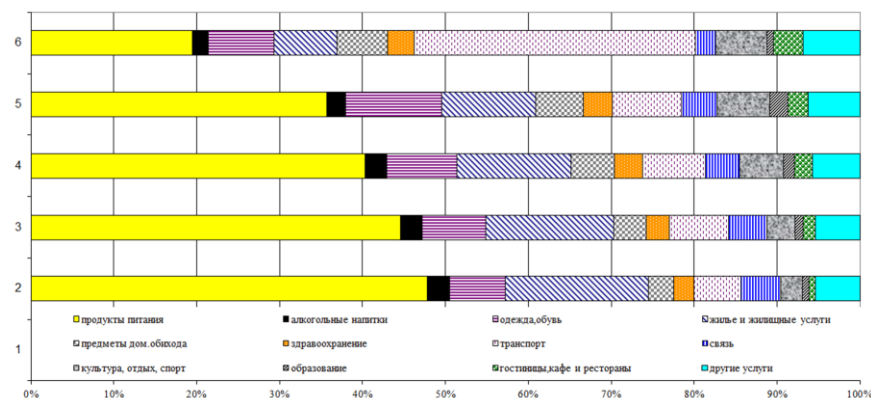

Рис. 8. Структура потребительских расходов пяти (квintильных) социальных групп населения России в 2017 г.
Примечание: рассчитано по источнику [5, с. 161]

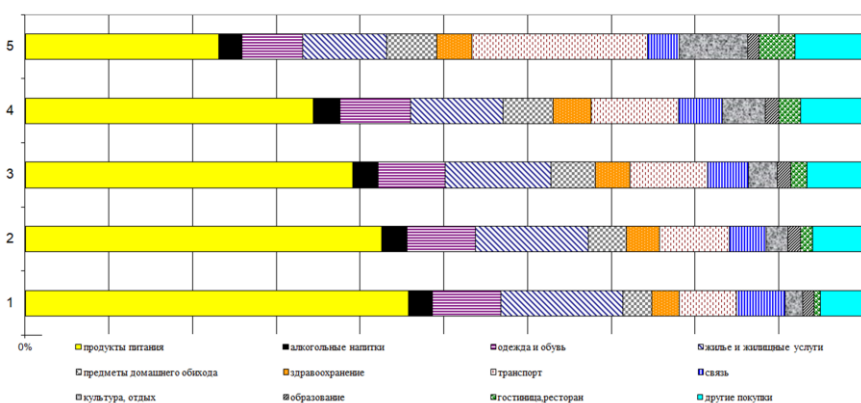

Рис. 9. Структура потребительских расходов пяти (квintильных) социальных групп населения России в 2021 г.
Примечание: рассчитано по источнику [5, с. 171]

групп населения. Однако общий аналитический обзор данных (рис. 10) указывает на очень большую долю расходов на продукты питания, увеличивающуюся с годами и тем самым сигнализирующую о снижении общего уровня жизни населения и ограничении «среднего класса». Кроме того, по отдельным данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, за 5 последних лет удельный вес населения, тратящего на здравоохранение 25% и более своих расходов, увеличился с 2.5% до 8.8%, то есть более чем в 3 раза. Таким образом, по этим косвенным показателям можно судить о том, что «средний класс» в Узбекистане занимает около 35–40% населения.

Тем не менее данные приводятся в среднем по стране, а не в разрезе социальных прослоек, что не дает возможности провести более глубокую диагностику.

Из всего проведенного анализа следует, что ни структура расходов, ни объем наличных товаров длительного пользования не могут в точности очертить границы «среднего класса». Единственным достоверным источником социальной дифференциации может служить реальный среднедушевой доход и располагаемый

ресурс домохозяйств. Однако и здесь не все так просто. В частности, из трех исследуемых государств Беларусь располагает наименьшей территорией, относительно однородным климатом и плотностью экономической инфраструктуры. В Узбекистане же и России – достаточно альтернативные условия климата и быта. Но даже в Беларуси, несмотря на то, что средние реальные доходы на душу за 2017–2021 гг. выросли на 21.4%, население Могилевской, Брестской и Витебской областей имело доходы в 1.2 раза ниже среднереспубликанского уровня (465–479 бел. руб. в 2017 г. и 741–756 бел. руб. в 2021 г.), [20, с. 201] обозначая тем самым разные границы «среднего класса», территориально диверсифицированные и не изменившиеся за 5 лет в лучшую сторону.

В России ситуация с территориальным различием в среднедушевых доходах еще более контрастная. Например, если сравнить доход населения Бурятии (около 28300 руб.), Алтайского края (26 тыс. руб.), Республики Тыва (20650 руб.) со средним уровнем дохода Якутии (50370 руб.), Ямало-Ненецким АО (96800 руб.), Чукотским АО (около 100 тыс. руб.), то разница составляет 4–5 раз [21]. В этих условиях проводить параллели между уровнем жизни

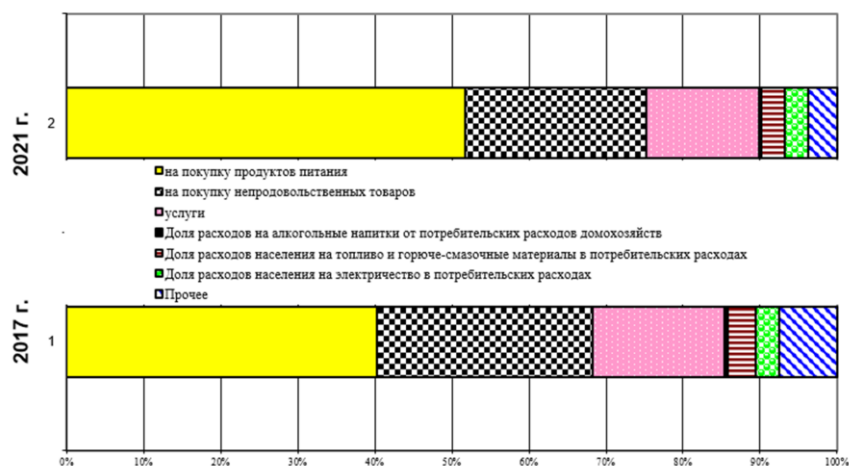

Рис. 10. Структура потребительских расходов населения Узбекистана в 2017 и 2021 гг.

Примечание: рассчитано по источнику [6]

социальных прослоек разной территориальной привязки очень сложно.

Особо следует остановиться на республиках Средней Азии бывшего СССР. По ним информации крайне мало. Однако даже по той информации, которую авторы имеют по Узбекистану (рис. 11), видно, что социальная дифференциация точно так же разнится по различным территориям, как и в Беларуси. Являясь типичным представителем азиатских республик бывшего СССР, входящих в группировку СНГ, Узбекистан по природно-климатическим условиям (наличие малопригодных территорий для проживания человека – пустыни Кызылкум, степей, горных хребтов Тянь-Шань и др.) обусловил асимметричную концентрацию населения в отдельных своих регионах. Несмотря на некоторое снижение по сравнению с 2000 г. средней численности одного домохозяйства с 5.4 до 5.1 чел., основная масса из более чем 36 млн чел. проживает в южных районах. Поэтому уровень социального достатка по 12 районам, в частности по Республике Каракалпакстан и самой столице Ташкенту, – очень разный, и отмечается этот процесс давно, причем не только не приостанавливается, но с годами углубляется.

Лидируют по уровню доходов г. Ташкент, Навойский и Бухарский регионы. Наиболее отстающими считаются Сурхандарьинский и Джизакский районы, Республика Каракалпакстан (среднедушевой реальный доход на 20–25% ниже среднереспубликанского уровня). Имеются и нехарактерные динамики регионального расслоения населения: Фергана, будучи ранее средним районом, к 2022 г. опустилась к уровню Намангана и Каракалпакии. Кроме того, в периоды кризиса 2020 г. имелись регионы, где темпы прироста реальных доходов были отрицательными (Андижанский, Бухарский, Кашка-

дарьинский, Хорезмский, Сурхандарьинский регионы), что связано с неравномерным размещением индустриальных производств. Усиление социального расслоения в Узбекистане подтверждает и динамика децильного коэффициента (6.0 в 2017 г. и 7.0 раз в 2022 г.) [6]. Данное обстоятельство лишний раз доказывает, что наличие обширного «среднего класса» может выступать в контексте антикризисных и стабилизирующих мер экономики, является важной правительственной задачей в социальной политике.

Заключение

Сравнительные аналитические исследования позволили сделать следующие выводы касательно границ «среднего класса», методологии его оценки и проблем социальной политики.

1. Главным определяющим признаком отнесения части населения к «среднему классу» является величина среднедушевых доходов и (или) располагаемого ресурса домохозяйств.

2. Использование этого показателя целесообразно с учетом территориальной дифференциации средних доходов. В частности, возможно введение поправочных коэффициентов к границам «среднего класса» каждой территории, отражающих отклонение региональных доходов от среднереспубликанских.

3. Наличие товаров длительного пользования в собственности домохозяйств может служить лишь как ограниченное вспомогательное средство диагностики «среднего класса», при этом объективно обусловлено лишь использование показателей количества имеющихся компьютеров и телевизоров в расчете на 100 домохозяйств. Остальные данные (наличие автомобилей, кондиционеров, холодильников) или по причине традиций народов, или из-за особенно-

Рис. 11. Динамика уровня социального расслоения по отдельным регионам Узбекистана за 2000–2022 гг. по показателю реального среднедушевого дохода, тыс. сум
Примечание: рассчитано по источнику [6]

стей климата не могут претендовать на объективную оценку границ среднего достатка.

4. Важное уточняющее значение для диагностики границ «среднего класса» имеет структура потребления, особенно доля расходов на продукты питания. По этому критерию границы «среднего класса» в Узбекистане примерно на 20% уже, чем в России и Беларуси. Поэтому, во-первых, социальная политика поддержки бедных должна быть сугубо специфичной для каждой из стран СНГ; во-вторых, неуместно выделять «средний класс» на основе сопоставления уровня доходов, структуры потребления с развитыми странами как с эталонными величинами.

5. Наиболее успешно социальная политика выравнивания доходов ведется в Беларуси, о чем свидетельствует низкий индекс Джини и специфичность кривой Лоренца. В Беларуси разработаны и реализуются 44 социальных стандарта. Креативный переход планирования расходов госбюджета на систему целевого финансирования государственных программ развития означает и совершенствование социальной политики выравнивания доходов и поддержки социально незащищенных слоев населения.

6. Наиболее социально поляризовано общество в России, что ставит перед правительством задачу необходимости интенсивной, территориально дифференцированной поддержки бедных и малоимущих на основе отклонений среднедушевых доходов конкретных регионов от среднереспубликанского уровня.

7. Относительно самым бедным «средним классом» среди трех исследуемых государств является средняя социальная прослойка в Узбекистане, что обуславливает необходимость усиления финансирования социальных мероприятий по расширению границ «среднего класса» в рамках интеграционных связей и взаимопомощи стран СНГ.

Исследование выполнено в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», проект Н-426-99_2022–2023 «Соци-

ально-экономические модели и технологии развития креативного человеческого капитала в инновационном обществе».

Список литературы

1. URL: https://isp.hse.ru/data/2019/10/04/1541835897/03%20Natalia%20Tikhinova_03-10-2019_RU.pdf
2. Горшков М.К. Российское общество как новая социальная реальность // Глобализация и социальные изменения в современной России: Доклады Всероссийского социологического конгресса в 16 томах, Москва, 03–05 октября 2006 года. Т. 14. М.: Издательский Дом «Альфа-М», 2006. С. 25–32.
3. Горшков М.К., Козырева П.М., Ли П. и др. Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае. М.: Новый хронограф, 2021. 584 с.
4. Статистический ежегодник Республика Беларусь 2022. Минск: Нац. стат. комитет, 2022.
5. Российский статистический ежегодник 2022. М.: Росстат.
6. Сайт Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz> (дата обращения: 12.05.2023).
7. Borisov S.A., Lapshina E.N., Ozina A.M., Chernyshov A.N., Zakharova S.G. Specifics of Forming the Russian Middle Class According to the Factorial Model of Management Living Standards // Quality-Access to Success (QAS). Vol. 22. № 181. 2021. P. 110–116. URL: https://www.srac.ro/calitatea/en/arhiva/2021/QAS_Vol.22_No.181_April.2021.pdf
8. Баландина А.И., Хам В.В. Средний класс в современной России // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 3 (67). С. 155–162.
9. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Средние классы в социальной структуре занятого населения России // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 2. С. 58–74.
10. Захарова С.Г., Борисов С.А. Оценка условий формирования среднего класса в России с позиции факторной модели управления качеством жизни населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1(49). С. 14–24.
11. Тулина Т.М. Определение размеров среднего класса в России и Вологодской области по параметру «уровень доходов» // Комплексное развитие террито-

риальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики: Матер. национ. (всероссийск.) науч.-практ. конф. (8 ноября 2018 г., Орел) / Под общ. ред. Н.А. Шибаева [и др.]. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2018. С. 422–429.

12. Заводчикова Т.Б., Мазная Е.А. Понятие среднего класса и его особенности в России // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2021. Т. 12. № 1. С. 91–98.

13. Шевченко С.В. Средний класс в Республике Беларусь: конверсия или эрозия? // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2020. № 2 (238). С. 56–60. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44359489_40317819.pdf (дата обращения: 21.01.2023).

14. Маковская Н.В. Современные особенности функционирования рынка труда в Беларуси: Монография. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2020. 264 с.

15. Ziankova S.Z., Mizikovskiy I., Frolov V., Mazin A., Ivanova N. Economic cycles and the labor market: opportunities of using crises in the leading indicators system // E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 380. 01040.

16. Горшков М.К. Социальная справедливость в массовом восприятии и ценностных ориентациях россиян // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 6. С. 32–47.

17. Отт М. Экономический рост и неравенство. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315133874-12>

18. Статистический ежегодник Республика Беларусь. 2012. Минск: Нац. стат. комитет, 2012.

19. Социальное положение и уровень жизни населения Российской Федерации. 2021.

20. Регионы Республики Беларусь 2022. Минск: Национальный статистический комитет, 2022.

21. Регионы России: социально-экономические показатели 2022. Стат. сб. М.: Росстат, 2022.

TRENDS IN THE SOCIAL STRUCTURE OF SOCIETY IN BELARUS, RUSSIA AND UZBEKISTAN: A CREATIVE APPROACH TO HIGHLIGHTING THE BOUNDARIES OF THE MIDDLE CLASS

S.G. Zakharova¹, L.P. Ziankova² and N.V. Krytskaya³

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

²Educational Institution Belarusian State University of Economics

³Tashkent State University of Economics

The article substantiates the need for a clear identification of methodological principles for assessing the boundaries of the so-called «middle class» in the context of social stabilization of society and anti-crisis measures in the expansion of integration processes between the subjects of socio-economic systems of the CIS countries. The creative approach consists in a non-standard assessment of the boundaries of the study, which is based on the ratio between the available resources of households and the budget of the subsistence minimum, which is significantly different from the standard approaches in the framework of quintile and decile coefficients. The connection of the methodology for assessing the «middle class» with a set of social measures aimed at the dynamic growth of the quality of life of the population is considered. A comparative analysis of indicators of the quality of life of the population in the context of various social strata of Russia, Belarus, Uzbekistan for the period 2017–2021 is presented, in the concept of a factor approach to managing the quality of life of the population, confirming positive and some negative trends. Recommendations on innovative changes in certain areas of social policy are formulated.

Keywords: middle class, creative approach, consumer spending, per capita income, household disposable resource, Gini index, Lorentz curve, social stratification, social policy, consumption structure.